

НЕ ПОТЕРЯННАЯ ПАРАДИГМА Н.В. КРУШЕВСКОГО: К 170-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЁНОГО

А.А. Яковлев

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

Известно, что Н.В. Крушевского называют потерянной парадигмой языкознания. При этом его основные идеи хорошо укладываются в контекст лингвистической мысли второй половины XIX века, а кое в чём и опережают его время. В настоящей статье показана общность лингвистических и психологических идей Н.В. Крушевского, Ф.Ф. Фортунатова, И.М. Сеченова, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Е.Д. Поливанова. Обращается внимание на актуальность идей Н.В. Крушевского для современного языкознания.

Ключевые слова: *структурализм, антропоцентризм, психолингвистика, когнитивная лингвистика, Крушевский.*

В декабре 2021 года исполнилось 170 лет со дня рождения Николая Вячеславовича Крушевского (1851 – 1887) – языковеда, которого, как широко известно, называли потерянной парадигмой языкознания. Насколько, однако, верно это утверждение о потерянности или отдалённости идей Н.В. Крушевского от современного ему и, особенно, нынешнего, языкознания? Цель настоящей статьи как раз и состоит в том, чтобы показать, что идеи Н.В. Крушевского не были «затеряны во времени» и в истории лингвистической мысли.

Начать необходимо с суждений Н.В. Крушевского, ставших впоследствии, хотя и без ссылок на него, основой структурализма.

Структурализм с антропоцентрическим лицом

Для Н.В. Крушевского очевидно, что язык развивается не случайным, а закономерным образом. Язык – это не просто нагромождение отдельных фактов, подлежащих систематизации и классификации, а такая система фактов, каждое предшествующее состояние которой связано со следующим её состоянием закономерным образом [3: 121]. «Язык представляет нечто, стоящее в природе совершенно особняком: сочетание явлений физиологическо-акустических, управляемых законами физическими, с явлениями бессознательно-психическими, которые управляются законами совершенно другого порядка» [цит. изд.: 73]. Пройдёт несколько десятилетий, и Е.Д. Поливанов дополнит эту формулу: «...язык есть явление физическое, психическое и социальное; точнее, в составе

языковой деятельности имеются факты физического, психического и социального порядка...» [6: 182].

Язык находится в состоянии **устойчивого неравновесия** с внешней средой, поскольку «...никогда не имеет столько особых звуковых комплексов, сколько существует отдельных понятий и их оттенков» [3: 171]. Такое состояние требует, во-первых, воспроизводства языковой системы или каких-то её частей, во-вторых, притока «материала» извне. Поддержанию такого состояния языка служат связи слов по сходству и смежности: они позволяют человеку **воспроизводить** по памяти уже слышанные слова (ассоциация смежности) и **производить** по аналогии с другими словами слова, не слышанные ранее (ассоциация сходства). Именно эти связи и являются системообразующим фактором для языка как целостности. Свойства языка как целого и свойства каждой его единицы обусловлены одними и теми же связями и закономерностями их изменения.

Система языка первична по отношению к отдельным его подсистемам и элементам. Система задаёт свойства элементам, а не свойства элементов складываются в систему. Никакой факт не имеет смысла вне целостной системы, заблаговременно описанной в её самых главных законах и особенностях. Не качество связей определяется свойствами элементов системы, а, наоборот, свойства элементов системы определяются качеством связей между ними. Поэтому элементами системы могут быть абстракции (фонема, форма слова, семантический компонент и т.д.), а язык оказывается **системой чистых отношений**.

Языковед должен сначала создать целостную теорию языка, чтобы из её свойств и законов выводить, как частное из общего, свойства и законы отдельных единиц описываемой системы. Именно этим путём и идёт Н.В. Крушевский [цит. изд.: 101]. Задача языкознания состоит в том, чтобы «...исследовать естественный процесс развития языка, т. е. раскрыть законы, по которым он развивается с формальной и функциональной стороны» [цит. изд.: 65]. Обратим внимание: и с формальной, и с функциональной стороны – как средство выражения мысли в речи. А функционирует язык по тем же законам, по которым функционируют все психические явления и все знаковые системы. На сегодняшнем языке науки это суждение Н.В. Крушевского означает призыв изучать язык как открытую самоорганизующуюся систему. Причём в её определение необходимо вносить время как существенный фактор. Включённость времени в понимание языковой системы не выражена, разумеется, автором прямо, но легко выводится из его суждений как необходимый императив изучения языка: «Всякое данное состояние языка необходимо рассматривать как продукт предшествовавшего развития» [цит. изд.: 121].

В этих суждениях Н.В. Крушевский идёт в ногу с современным ему языкознанием. Ср. те же и идеи у Ф.Ф. Фортунатова: «...предметом

языковедения является человеческий язык в его истории. Дело в том, что существование каждого языка во времени состоит в постоянном, хотя и постепенном видоизменении данного языка с течением времени, т. е. каждый живой язык в данную эпоху его существования представляет собою видоизменение языка предшествующей эпохи» [8: 3]. Ср. также: «Язык, как мы знаем, существует главным образом в процессе мышления и в нашей речи как в выражении мысли...» [цит. изд.: 91].

По Н.В. Крушевскому, язык есть система знаков, но не абстрактных, не рассматриваемых в отрыве от человеческой психики и речи. При этом все, а не только языковые знаки (ноты, цифры, жесты и т.д.) подчиняются одним и тем же законам и выполняют одни и те же функции [3: 108, 199]. Языковые знаки и их свойства являются частным случаем любых других знаков, а язык есть частный случай знаковой системы вообще. Язык есть система знаков, играющих особую роль, выполняющих особую знаковую функцию в человеческом духе и в речевой деятельности — функцию символов, заместителей, субститутов представлений о предметах или явлениях. Эти символы-субституты весьма удобны и эффективны для мышления и общения, для обмена опытом с помощью речи как частным способом взаимодействия между людьми.

Известно высказывание Н.В. Крушевского, выражающее идею синтагматических и парадигматических связей языковых знаков. «Если, вследствие закона ассоциации по сходству, слова должны укладываться в нашем уме в системы или гнёзда, то, благодаря закону ассоциации по смежности, те же слова должны строиться в ряды. Итак, каждое слово связано двоякого рода узлами: бесчисленными связями сходства со своими родичами по звукам, структуре или значению и столь же бесчисленными связями смежности с разными своими спутниками во всевозможных фразах; оно всегда член известных гнёзд или систем слов и в то же время член известных рядов слов» [цит. изд.: 145].

И та же идея почти дословно так же выражена Ф.Ф. Фортунатовым: «...духовные явления смежные, т. е. получаемые в опыте вместе или в непосредственной преемственности, способны впоследствии воспроизводить одно другое, и точно так же духовные явления, сходные между собою, способны воспроизводить впоследствии одно другое. (...) Духовные явления связываются между собою, ассоциируются по смежности или по сходству, т.е. два духовные явления, полученные в опыте или как смежные, или как сходные, способны впоследствии воспроизводить одно другое. Что же значит: „способны воспроизводить“? Это выражение имеет тот смысл, что духовные явления, связанные между собой смежностью или сходством, воспроизводят в действительности одно другое, как скоро в данный момент не препятствуют какие-нибудь другие условия» [8: 92–93].

Выражение *духовные явления* сегодня следует интерпретировать как явления сознания, психики, образа мира и т.п.

Ср. ту же идею у И.М. Сеченова: «Всякий внешний предмет или явление фиксируется в памяти и воспроизводится в сознании в трёх главных направлениях: как член пространственной группы, как член преемственного ряда и как член сходственного ряда (в смысле рядов наших классификационных систем)» [7: 138].

Констатация наличия разнородных связей между языковыми знаками имеет важные следствия. Различные духовные явления, как ощущения, так и представления (включая представления знаков), не существуют поодиночке. Все единицы опыта человека сливаются в сознании и памяти в средние итоги. Однако эти средние итоги впечатлений не являются некоторой нерасчленённой массой: повторение схожих, но в чём-то всё же различных впечатлений влечёт за собой расчленение их общего итога в более дробные группы и их обособление, сопровождаясь появлением «ядра» группы и соответствующих внешних условий воспроизведения этих впечатлений в сознании. Всему этому сопутствует всё большая символизация предметов мысли, поскольку с каждым актом дробления мысли её предмет получает свой знак. И эти символические предметы мысли, оторванные уже от непосредственного породившего их перцептивного опыта (которые могут быть отделены от своих чувственных корней ещё большей пропастью, чем атомы от реальных предметов), способны объединяться в группы и системы [цит. изд.: 89–156]. По большому счёту, на этом и основана возможность изучать характеристики слова и выявлять при этом характер связей между обозначаемыми ими идеями как «сгустками», средними итогами опыта человека.

Слово есть знак вещи

Положение о том, что слово – это знак вещи, было известно, конечно, задолго до Н.В. Крушевского; см., например, [4]. Однако он излагает интересное объяснение знаковой природы слова, соответствующее идеям, которые в его время витали в воздухе и были уточнены и обоснованы дальнейшим развитием науки. «...Везде, где мы имеем дело со знаками... играет главную роль субституция, подстановка известной части или извлечения вместо известного целого» [3: 199]. Это употребление знака вместо целостного описания предмета лежит в основе процесса постепенной потери знаком своей мотивированности. «...Мало-помалу, вследствие продолжительного употребления, слово соединяется в такую неразрывную пару с представлением о вещи, что становится собственным и полным её знаком, приобретает способность всякий раз возбуждать в нашем уме представление о вещи **со всеми её признаками**; таким образом, если наши **слова своим происхождением обязаны ассоциациям сходства, то своим значением**

они обязаны ассоциациям смежности» [цит. изд.: 197–198]. При этом «символический ряд слова может изменяться и упрощаться бесконечно, при единственном условии – **постепенности изменения**, потому что только при постепенности изменения возможна **непрерывность ассоциации**, дающей слову значение» [цит. изд.: 108].

Суть идеи о связи между словом и представлением (образом, концептом) можно найти также у Ф.Ф. Фортунатова: «...чем чаще сочетаются в опыте известные духовные явления или чем сильнее они в этом сочетании, тем больше они способны воспроизводить впоследствии одно другое, и наоборот, чем реже они сочетаются в опыте или чем слабее духовные явления в этом сочетании, тем менее способны они воспроизводить впоследствии одно другое» [8: 93]. Примечательно и вместе с тем характерно, что схожие идеи выражал физиолог и основатель отечественной психологии И.М. Сеченов: «Всякое впечатление оставляет на душе след тем более прочный и отчётливый, чем чаще оно повторялось. Словом *прочность* выражается здесь способность следа сохраняться в душе долгое время, а словом *отчётливость* — способность чувственного образа выигрывать при повторении в определённости», – а также: «...Помимо лёгкости, с какой воспроизводятся в сознании привычные впечатления, они характеризуются ещё тем, что для воспроизведения их вовсе не нужно соответствующего комплекса внешних влияний — для этого бывает достаточно намёка или какого-нибудь побочного впечатления» [7: 109, 110].

Именно эти теоретические положения легли в основу психолингвистических исследований методом свободного ассоциирования. Связь слов в ментальном лексиконе, выражающаяся в ассоциации, проявляет не раз навсегда установленное, застывшее значение слова как средство решения речевой задачи, результат которой в ней сохраняется. Она происходит, как то и имеет место в эксперименте, в связи с **обобщённым образом множества схожих речевых задач**, когда-либо решённых с помощью данного слова. Ассоциация как процесс связывания слов по разным характеристикам – это часть координационной структуры, включающей в себя освоенное умение решать ту или иную речевую задачу в некоторых соответствующих ей условиях. В ассоциации отражаются средние итоги успешных и неуспешных актов решения людьми схожих задач в схожих условиях плюс личностное переживание человеком этих актов, а не только лишь объективные связи между элементами ментального лексикона как некими абстракциями.

Н.В. Крушевский неоднократно подчёркивает, что слово само по себе значения не имеет, значение даётся ему или употреблением (ассоциацией смежности с обозначаемой вещью), или родственными словами (ассоциацией сходства с другими словами) [3: 200, 211, 212]. В терминологии современной российской психолингвистики, уходящей

корнями в психологическую теорию деятельности, эта же идея формулируется так: «...психологическая структура значения определяется системой соотнесённости и противопоставления слов в процессе их употребления в деятельности, а не в процессе их сопоставления как единиц лексикона» [5: 171].

При этом «...название предмета первоначально есть часть его описания, служащая субститутом всего описания» [3: 197]. Н.В. Крушевский не говорит подробно, какие преимущества это даёт мышлению. За него это делает И.М. Сеченов: «Как члены ассоциации, равнозначные всем прочим, имена должны, очевидно, разделять участь последних во всех перипетиях ассоциированной группы [т. е. ассоциированной с ними чувственной группы предметов. – А. Я.]. Они могут служить намёками для воспроизведения всей группы в сознании, могут воспроизводиться сами, когда намёк дан другим членом, и могут, наконец, отвлекаться подобно остальным признакам» [7: 167]. И такая символизация части, отвлечение части от целого «...даёт продукты, лежащие **между** представлениями о предметах и умственными формами, непосредственно переходящими **за пределы чувства**» [цит. изд.: 161 – *выделено нами*]. Связи знака и вещи, бывшие первоначально непосредственными, ступёвываются, а промежуточные этапы процесса субституции знаком предмета и символизации знака как представителя в мышлении целой группы предметов стираются из памяти, уступая место двум конечным звеньям — формы знака и образа предмета или группы предметов.

Раскрытие законов явлений языка

И.А. Бодуэн де Куртенэ хорошо понимал, что «...существуют не какие-то витающие в воздухе языки, а только люди, одарённые языковым мышлением...» [2: 181]. Поэтому «...реальной величиной является не „язык“ в отвлечении от человека, а только человек как носитель языкового мышления» [цит. изд.: 182]. Н.В. Крушевский в равной степени отдавал себе отчёт в том, что «...слово существует только в человеческом духе...» [3: 147]. При этом, с одной стороны, задачей языкознания он считал изучение естественного процесса развития языка, т.е. раскрытие законов, по которым он развиваются его формы и функции [цит. изд.: 65]. С другой стороны, он говорил «...не об искусственном языке книги, а об естественном языке народа» [цит. изд.: 141]. Поэтому «...нет никаких самостоятельных, первичных **звуковых** законов; самостоятельны и первичны только **физиологические** законы» [цит. изд.: 119], поскольку фонетические явления сводятся к мускульным ощущениям, сопровождающим произнесение или слышание звуков.

Законы, действующие в языке, проявляются не в текстах, а в живой человеческой речи, поскольку «...теперешняя литература языков настоящего времени представляет только памятник, а не самый

язык» [1: 63]. В литературе, в текстах языковед наблюдает не собственно языковые процессы и законы их протекания, а отложения этих процессов [3: 119, 120–121, 123, 139, 140]. «При теперешнем состоянии науки, мы бы напрасно искали прямых доказательств существования этих законов; но зато есть доказательства косвенные» [цит. изд.: 119], которыми и являются языковые отложения. Эта геологическая метафора хорошо показывает, что делает языковед: он исследует тексты (записанные людьми или самим языковедом) или «тексты» (материалы экспериментов) и из них выводит закономерности тех процессов, продуктом которых эти тексты стали. «Зная правильность действия звуковых законов, мы должны ожидать известной правильности, известного однообразия и в этих отложениях» [цит. изд.: 120–121]. Это положение относится, естественно, не только к звукам, но ко всей системе языка.

«В языке мы постоянно имеем дело со следствиями неизвестных причин; кроме того, здесь имеет место то, что в логике называется **столкновением причин...**» [цит. изд.: 73]. Однако это вовсе не означает, что причин этих совсем невозможно раскрыть. Наоборот, то, что они ускользают от поверхностного взгляда, полностью соответствует естественному ходу вещей. Причины того, что языковые факты таковы, какими мы их наблюдаем, не лежат на поверхности в ожидании быть сформулированными в виде законов. Они скрыты за теми формами, в которых существуют языковые процессы в разных условиях: законы языка суть зафиксированные средствами научного формализма закономерные сходства и различия языковых процессов, протекающих в тех или иных условиях.

Языкознание, по Н.В. Крушевскому, принадлежит не к наукам историческим, а к наукам естественным, и главная его задача – не восстановление картины прошлого в языке, а раскрытие законов явлений языка. «В языке действуют законы совершенно тождественные с законами, действующими в других сферах существующего, т. е. так называемые **законы природы**, не допускающие никаких исключений и уклонений» [цит. изд.: 92]. К таким законам природы и языка относится не только постепенность процессов, но и их необратимость: «...артикуляция может более или менее продолжительное время не выходить за пределы небольшой части своей области; но коль скоро она выйдет за эти пределы, звук начинает мало-помалу изменяться» [цит. изд.: 116]. Таким образом, постепенность и необратимость языковых процессов лежит в основе развития языка.

По причине постепенности языковые изменения незаметны на малых временных промежутках: звук изменяется мало-помалу. «Хотя мы и не в состоянии видеть спонтанеические изменения в доступном нашему наблюдению языке, тем не менее несомненно, что они в нём происходят в виде бесчисленных, но незначительных

передвижений его артикуляции, передвижений правильных только в общем...» [там же].

Разумеется, здесь нельзя не вспомнить И.А. Бодуэна де Куртенэ, поясняющего свою мысль о постоянном изменении языка. «Незаметный переход одного состояния в другое, незаметное развитие, незаметное влияние медленно, но основательно действующих сил как в языке, так и в всех остальных проявлениях жизни, можно выразить алгебраической формулой $0 \times \infty = m$, то есть, что бесконечно малое изменение, произведённое в один момент, повторившись бесконечное число раз, даёт наконец известную заметную определённую переменную» [1: 67]. Отдельные «единицы» языковых процессов носят случайный, сверхневероятный характер (их результат невозможно предсказать), но совокупности таких «единиц» носят вероятностный характер (их результат можно предсказать с той или иной долей вероятности).

Суммируя приведённые суждения двух лингвистов, можно сказать, что состояния языка как целостной системы незаметны при малом «расстоянии» (т.е. временной промежуток) между ними и заметны тем сильнее, чем больше «расстояние», потому что каждое предшествующее состояние не отменяется следующим, а является причиной для этого последнего. Коль скоро язык всё время изменяется, то языковые явления являются процессами, к тому же сохраняющими в себе «остатки» предыдущих процессов, и в плане статики могут рассматриваться как некоторые условно выделенные статичные «фазовые состояния» системы. Причинность между процессами может быть только вероятностной. Накопление определённых характеристик системы в ходе её развития создаёт большие или меньшие условия и предпосылки для появления других определённых её характеристик и свойств, которые не появляются мгновенно, а тоже постепенно накапливаются (количество переходит в качество, качественные изменения на одном уровне системы влекут за собой изменения на других её уровнях и т.д.). Поэтому нельзя указать некоторой строго определённой точки в истории системы, до которой данных её характеристик ещё не было, а после неё они уже однозначно имеются налицо, да ещё и во всём богатстве своего проявления. Изменение и исчезновение некоторого языкового явления происходят тем же путём.

Некоторые выводы

В современном языкознании стало своеобразной модой откращиваться от структурализма; нередко публикации, в которых структурализм объявляется ошибочной концепцией. При этом Н.В. Крушевский признаётся одним из тех, кто заложил основы того понимания языковых явлений, которое позже развилось в структурализм. Однако, как и для многих других лингвистов той эпохи, для Н.В. Крушевского была чужда идея языка как изолированной

системы, не испытывающей влияния извне – со стороны систем физиологических, психических, социально-культурных и т.д. Кроме того, он разделяет точку зрения на язык, согласно которой язык является неравновесной системой, постоянно претерпевающей изменения, хотя эти последние могут не замечаться в малых временных масштабах.

Для лингвиста куда важнее знать качество связей между элементами системы (причём связей как внутренних, так и внешних – с другими системами процессов), чем сам эти элементы. Исследователь языка занимается как раз установлением качества связи между взаимодействующими процессами по характеру результата этой связи: нетрудно восстановить неизвестный элемент системы, если известны его связи с другими элементами, но трудно восстановить неизвестную связь элемента, если известны другие элементы системы и неизвестны их связи друг с другом.

Стремление разложить целостность системы на составляющие простые элементы, сохраняющие в себе главное для системы свойство, не могло не привести Н.В. Крушевского к пониманию системы как итога баланса противоборствующих сил. **Внутренняя** тенденция языка составляет его стремление к идеальному состоянию, и лишь **внешние** силы ведут к внутреннему разнообразию системы. Если бы закончилось действие «разрушающих» факторов, т.е. нарушающих регулярность связей между элементами системы, система вернулась бы в своё «идеальное» положение. Однако непрекращающееся взаимодействие языковой системы с разными внешними факторами (как частями других систем процессов – в основном психического и социального характера) делает языковую систему неидеальной, несимметричной, а связи нерегулярными, а в месте с тем более гибкой и пригодной для множества разнообразных и не повторяющихся ситуаций и целей.

Список литературы

1. Бодуэн де Куртэнэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. В 2 т. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1963. Т. 1. 384 с. Т. 2. 341 с.
2. Бодуэн де Куртэнэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. В 2 т. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1963. Т. 1. 384 с. Т. 2. 341 с.
3. Крушевский Н.В. Избранные работы по языкознанию (Составитель Ф.М. Березин). М.: Наследие, 1998. 296 с.
4. Леонтьев А.А. Генезис семантической теории: античность и средневековье // Вопросы языкознания. 1988. № 1. С. 5–21.
5. Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. 536 с.
6. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. 376 с.
7. Сеченов И.М. Элементы мысли: впечатления и действительность / Под. ред. К.Х. Кекчеева. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 224 с.

8. Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение: Общий курс. – Изд. стереотип. М.: КРАСАНД, 2010. 182 с.

Об авторе:

ЯКОВЛЕВ Андрей Александрович — канд. филол. наук, доцент, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, e-mail: mr.koloboque@gmail.com

**NOT LOST PARADIGM OF NIKOLAY KRUSZEWSKI:
ON THE 170TH ANNIVERSARY**

A.A. Yakovlev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Saint Petersburg

It is known that Nikolay Kruszewski is called the lost paradigm of linguistics. At the same time, his main ideas fit well into the context of linguistic thought of the second half of the 19th century, and in some ways are ahead of his time. This paper discusses the commonality of the linguistic and psychological ideas of Nikolay Kruszewski, Fedor Fortunatov, Ivan Sechenov, Ivan Baudouin de Courtenay, Yevgeny Polivanov. Attention is drawn to the relevance of Nikolay Kruszewski's ideas for modern linguistics.

Keywords: *structuralism, anthropocentrism, psycholinguistics, cognitive linguistics, Kruszewski.*

About author:

YAKOVLEV Andrey A. – Candidate of Philology, Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, e-mail: mr.koloboque@gmail.com